

20081

512

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
Северо-Западный институт печати»

ПЕЧАТЬ И СЛОВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сборник научных трудов

Петербургские чтения – 2010

Часть 2. Литературоведение

2011 Санкт-Петербург
СПГУТД

УДК 83.3
ББК 655
ПЗ1

- директор СЗИП СПГУТД,
зав. каф. КИиКТ; *Н. Б. Лезунова*
- доктор филологических наук,
профессор каф. КИиКТ
СЗИП СПГУТД; *Е. М. Таборисская*
- кандидат педагогических наук,
доцент, зав. каф. ТППК
СЗИП СПГУТД; *О. Н. Федорова*
- старший преподаватель
каф. КИиКТ
СЗИП СПГУТД; *Н. В. Аверина*
- преподаватель каф. КИиКТ
СЗИП СПГУТД; *Е. В. Наумова*
- Составитель и научный редактор *Е. М. Таборисская*
Ответственный за выпуск *И. В. Фатеева*
Главный редактор *А. В. Никандрова*
Оформление *И. Е. Кучеров*
Верстка *Н. А. Пубанц*
Корректор *М. В. Попова*

ПЗ1 **Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2010) : в 2 ч.**
Ч. 2 : Литературоведение : сб. науч. тр. — СПб. : СПГУТД, 2011. — 260 с.
ISBN 978-5-7937-0534-9

В очередном выпуске сборника «Печать и слово Санкт-Петербурга: Литературоведение» вниманию читателей предлагаются статьи, посвященные различным аспектам изучения творчества прозаиков и поэтов, живших и писавших в Петербурге и о Петербурге. В поле зрения авторов входят различные явления, связанные с петербургским текстом: от парадной оды XVIII в. до отражения флоры и фауны Северной Пальмиры в лирике XIX–XX столетий, от классики до беллетристики, от обзорных статей, выявляющих динамику отражения константных объектов, до осмысления единичного образа в творчестве единичного автора.

Надеемся, что в этом выпуске наши читатели найдут интересные для себя темы и убедительные интерпретации. Сборник адресован и специалистам-литературоведам, и всем, кому интересен наш город и наша литература.

УДК 83.3
ББК 655

ISBN 978-5-7937-0534-9

© Изд-во «Петербургский институт печати»,
оригинал-макет, 2011
© СПГУТД, 2011

Содержание

К читателю
9

Петербургский текст в русской литературе

- О. В. АЛЕКСЕЕВА** Петербургская ода XVIII в.
13
- М. Б. НИЗОВЦЕВА** Вещь (предмет) в художественном мире повести
А. С. Пушкина «Выстрел»
и поэмы Е. А. Боратынского «Бал»
24
- Е. М. ТАБОРИССКАЯ** «Евгений Онегин» как любовный роман.
Статья I. Татьяна и Онегин
32
- М. И. МЕДОВОЙ** Сказка В. Ф. Одоевского «Жизнь и похождения одного
из здешних обитателей в стеклянной банке»
в литературном контексте
54
- Н. В. ЦВЕТКОВА** С. П. Шевырев и петербургская журналистика
(1840-е годы). Статья I
64
- М. Ю. СТЕПИНА** О культурном символе петербургской актрисы
Статья I. Стихотворение «Памяти <Асенков>ой»
и образ актрисы в контексте «поминальной» лирики
Н. А. Некрасова
73
- Статья II. Два поэтических поминовения петербургских
актрис
85
- Е. В. ПОНОМАРЕВА** Книга в жизни Обломова (по одноименному роману
И. А. Гончарова)
90

²¹ Булгаков М. Собрание соч. : в 8 т. Т. 2. — М., 2004. — С. 194.

²² В РЯ Шарикову соответствуют гигантские змеи.

²³ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. — С. 184.

²⁴ Ср.: основное значение слова «камера» у Даля: «комната, покой» (Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. — С. 82).

²⁵ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. — С. 290.

²⁶ Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. — 1989. — № 3. — С. 206.

²⁷ Работа памяти резюмируется в узнавании. Узнать — значит увидеть в присутствующем отсутствующее.

²⁸ Ср. с райком и вертепом, о которых говорилось выше.

²⁹ Ямпольский М. Демон и лабиринт (диаграммы, деформации, мимесис). — М., 1996. —

Парижская космография петроградского литератора Алексея Ремизова (по материалам «Дневника мыслей»)

Основа настоящей статьи¹ — архивные материалы: тексты парижских дневников А. М. Ремизова 1943—1957 гг., которые ныне готовятся к печати. Это произведения документально-художественной прозы особого рода. Ученица Ремизова Н. Кодрянская записала свидетельство авторского определения их жанрового подвида: «С октября 1943 года Алексей Михайлович снова записывает свои сны: „Дневник мыслей“ (тридцать тетрадей). В двух первых тетрадях не только его сны, но и другие записи, главным образом о Серафиме Павловне»². Термин «дневник мыслей», обозначающий особый вид дневникового жанра, восходит к названию небольшого одноименного текста Льва Шестова, содержащего частично датированные записи рубежа 1919—1920 гг. — времени его отъезда из России в Швейцарию. Шестовский «Дневник мыслей» был впервые опубликован только в 1976 г.³, однако текст, как очевидно, был известен его близкому другу — А. Ремизову.

«Дневник мыслей» представляет собой комплекс тетрадей, содержащих ежедневные записи. Первоначально это — тексты, расположенные на левой и правой сторонах разворота тетради. Слева — краткая фиксация событий дня, большей частью состоящих из перечисления посетителей квартиры Ремизова, краткий перечень дневных дел, а также размышления автора по волнующим его темам. Несравненно более богата событиями, встречами и свиданиями «жизнь», запечатленная на правой стороне разворота. Здесь изложены содержания сновидений, увиденных писателем в ночь с такого на такое-то число. В дальнейшем соотношение между фиксацией яви и сновидений менялось следующим образом: дневная запись все более сокращалась, пока не вошла в состав письменной фиксации сна как его малая, а подчас и окказиональная, составляющая.

Как известно, Ремизов занимался регистрацией своих сновидений еще с дореволюционных времен. Для писателя астральный мир, отраженный в записях снов, составлял реальность особого рода, параллельную, равноценную и сопологаемую с действительностью. Это был мир, населенный его литературными знакомыми, родными, а также «вечными спутниками» из вселенной культуры, встречавшимися Ремизову на ночных звездных путях странствования его души.

Во время писания «Дневника мыслей» Ремизов безвыездно жил в Париже. Начиная с 1952 г., из-за слепоты он крайне редко, а потом и совершенно не выходил на улицу.

В названии статьи использован термин «космография». В данном случае он употреблен в смысле, восходящем к древнегреческому значению слова. Космография — это описание устройства Вселенной в целом, миров земного, небесного и их обитателей.

Ночная ойкумена писателя представляет собой систему пространственных кругов, суживающихся к центру. Их сердцевина — это квартира Ремизова в доме номер 7 по улице Буало, в которой, как известно, писатель обитал с 1935 г. и до своей смерти в 1957 г. В снах квартира на улице Буало имеет свойство менять свои очертания, необычайно расширяться, наполняться жильцами и посетителями из мира живых и мертвых. Ее постоянными обитателями с начала и до конца «Дневника мыслей» остаются сам писатель и его жена — умершая в 1943 г. Серафима Павловна. По мере сужения реального пространства для слепнувшего писателя все более значимым становился мир сновидений. Они были не только формой литературного творчества, но и выполняли важную компенсаторную роль: восполняли недостаточность настоящего интеллектуального общения и отсутствие новых впечатлений. Неслучайно в финале автобиографического очерка о самом себе 1955 г. «А.Р. (Дом, отмеченный войной)» Ремизов отметил: «До ночи еще далеко, когда без проводника и слепой белой палки, я выйду на волю — улицы, здания сновидений и люди из всех миров без времени, без счета лет»⁴.

Сжатые рамки статьи не дают возможности охарактеризовать все составляющие ремизовской космографии, отраженной в дневниках. В связи с этим неизбежно сужение объекта анализа. В данном случае кратко остановлюсь на важнейшей составляющей геоэтнографии ремизовской вселенной. Это Россия и живущие в ней люди.

Именно Россия является основным географическим пунктом ночного мира Ремизова. На рубеже 1940—1950-х годов он писал: «Я подумал: „вот однажды на оклик проснусь, и все, что было, окажется, только сон был“. И это так, как с болью когда-то думалось, что вот проснусь и окажется: Россия — я в России, а все эти годы здесь лишь сон был. Но странно, <...> с годами этот сон, я чувствую, меня окутал, и все плотнее, и порой мне снится, что Россия — это только мой волшебный сон»⁵.

В «Дневнике мыслей» Россия существует в нескольких ипостасях. Каждая имеет свои географические и этнографические параметры. Их территории характеризуются неравномерно прозрачными границами, которые могут пересекать их обитатели.

Составляющими ремизовской России являются, во-первых, *дореволюционная Россия*. Ее географическое пространство составляет прежде всего Москва — место детства и юности писателя (белый дом дядей — Найденовых, флигель, где проживал сам Ремизов с матерью и братьями). Далее территория, которую можно неопределенно назвать «место ссылки» (север, провинция). И, наконец, Петербург, а в нем — квартиры Ремизовых и его знакомых, редакции журналов.

Этнос этой России — родные Ремизова и многочисленные представители художественной элиты Серебряного века.

Во-вторых, *Россия эпохи 1917—1921 гг.* В основном это Петроград и, преимущественно, завьюженные улицы с очередями и остановившимся транспортом. Также украинское имение семьи Серафимы Павловны — Берестовец, где в реальности в 1917 г. Ремизов в последний раз видел дочь — Наташу. Среди обитателей этой России — большевистские вожди, петроградские функционеры ТЕО Наркомпроса, издатели, друзья и знакомые писатели по революционным годам, семья Довгелло.

В-третьих, *Россия эмигрантская*. Географически это главным образом места проживания и работы русских парижан (квартиры, места проведения общественных собраний или, например, парижская Опера со своим постоянным обитателем — Сергеем Лифарем). Жители этой мыслимой России — множество русских эмигрантов от писателей, художников, политических деятелей до владельцев русских лавочек.

И, наконец, в четвертых, во снах возникает страна, Ремизову реально неизвестная, — СССР.

Характеристика всех составляющих ремизовской России и их обитателей заслуживает подробного анализа. Здесь же остановлюсь только на мыслимом СССР.

Примечательно, что в «Дневнике мыслей» существует четкая разница между Советской Россией, которую Ремизов покинул в 1921 г., и Советским Союзом. Появление последнего в сновидениях писателя 1945—1953 гг. было связано с чувствами, возникшими под впечатлением победы СССР над фашистской Германией, и с мыслями о возможном возвращении домой. В специальной работе⁶ я уже подробно рассматривала политические аспекты фиксации во снах настроений, вызванных известным событием 14 февраля 1945 г. — посещением представителями русской эмиграции, в том числе и Ремизовым, советского посольства в Париже, настроений, в дальнейшем завершившихся взятием писателем паспорта гражданина СССР. Здесь же остановлюсь на геоэтнографической составляющей снов Ремизова о СССР. После посещения советского посла в ночных видениях писателя появились образы, связанные с темой его возвращения из Франции в некогда родные места. Приведу, как пример, сон с 12 на 13 октября 1947 г.: «Собор как Мадлен, еще обширнее, а подыматься как с Sacré Coeur. И я подымаюсь по ступенькам. Это — Россия. Бедно. Но все будет».

В снах возникает устойчивый мотив прибытия Ремизова и его жены в Москву. Этот город населяют как старые знакомые писателя — в основном умершие современники по Серебряному веку, так и не знающие его советские люди. Ремизов и Серафима Павловна безуспешно стараются социализоваться (найти нужный транспорт, адрес, прописаться в квартире и т. д.). Характерно, что в виртуальном СССР Ремизовы неоднократно пытаются поселиться не в Петербурге, где они прожили почти двадцать лет, а именно в Москве. Это отражено в ряде сновидений, например, сон в ночь с 19 на 20 октября 1945 г.: «Я вышел без пиджака. Еще, думаю, как же я. В Москве на Маросейке. Надо

селедку купить. С.П. осталась дома. Я вернусь»⁷; сон с 22 на 23 января 1946 г.: «Приехали в Россию. На улице — Москва. Маросейка. Я без белой палки. Как-то встретили и смотрят недоумевающее, и я себя вижу: я в шляпе „лодочкой“. Они понимают, что я „чужой“. <...> И какой-то догадался, что мы „приезжие“. <...> Я говорю С.П.: „Как же нам теперь? Надо прописаться!“ И думаю, я как-нибудь устроюсь, а вот ей будет трудно. Надо ведь ходить куда-то»; сон с 20 на 21 февраля 1947 г.: «Возвращаемся в Москву, с нами Аронсберг. Мы вышли на Николаевский вокзал, а они дальше поехали. Встреча со знакомыми: кондукторы — все молодые. Некоторых знал мальчиками. Один особенно хорошо говорит: защищается. У дверей „делегация“ и один в форме маленький — кондуктор: проверить счетчик»; сон с 14 на 15 ноября 1950 г.: «В Москве у Пришвина: готовят обед: тарелки на столе. Пришвин такой, как прежде: будет читать. А я пока что вышел из дому — через окно, как из клетки. И прошел в Кремль. Когда я шел по Варварке, я никого не встретил. Все, как на картинке. И в Кремле ни души. Стоят соборы, но тишина безлюдья — все кончилось, я один».

Появление ночных образов Москвы свидетельствует о том, что для писателя этот город его детства и юности, откуда начались его странствия житейские, — устойчивый образ-символ, за которым скрыты раздумья о возвращении на Родину.

В геоэтнографических параметрах снов отражены и мысли писателя о возможных неприятных последствиях, ожидающих его после прибытия. Пространство СССР предстает и как территория опасности. В сновидениях это маркируется как введением персонажей, памятных Ремизову по годам до революционной ссылки, так и напрямую — сюжетно. Например, сон с 10 на 11 января 1953 г.: «Мы вернулись в Россию. Из залы видим: подъехал поезд, раскрылся товарный вагон: стоит И. И. Манухин, я к нему. И попал в бистро. Хозяин Соломон Сегаль (Вологда). [Напомню, что Вологда была местом ссылки Ремизова. — А. Г.] Он отделил из пакета папиросы для меня. Теперь мы устроились. Надо отыскать уборную. Нашел. Но там Dominique Aury»; сон с 24 на 25 января 1953 г.: «Меня выслали в Астрахань. Ссылка заключалась в том, что я лежу на кровати и у меня, как книга, большая сушеная рыба размера — лещ. Кроме меня попал в ссылку А. Ладинский: ему непривычно. И он все подымается со своей кровати. А в глубине комнаты, как паучиха в углу — Вельгерша».

В снах писателя формировавшаяся еще с 1945 г. галерея политических деятелей СССР завершается в 1953 г. многочисленными видениями Сталина. В этом году возник ряд снов, связанных с визуализацией его смерти. Отмечу, что пространство, в котором появляется вождь, лишено географической конкретики. Оно подобно условным сценическим сукнам, на фоне которых разворачиваются последние сцены танатологической драмы. После 1953 г. пространственный образ СССР исчезает из сновидений писателя.

В настоящей статье я остановилась только на анализе одной из составляющих образа России. В целом же динамика изменения контуров всех ее четырех ипостасей такова. В 1940-е и начале 1950-х годов доминировал образ России

эмигрантской с всплеском снов о неведомом СССР в 1945—1953 гг. В дальнейшем постепенно нарастало количество сновидений, включавшихся в себя визуальные образы мест и персонажей России Серебряного века — времени расцвета литературной карьеры писателя. За рамками осталось соположение снов с творческой работой Ремизова этих лет. Отмечу только, что в 1950-е годы Ремизов интенсивно работал над книгой, посвященной людям и событиям Серебряного века, — «Петербургский буерак». Таким образом, изменение ночной геоэтнографии сновидений было связано не только с актуализацией событий прошлого, характерной для возрастных изменений в механизмах работы мозга, но и с продолжающимся творческим процессом.

П р и м е ч а н и я

¹ Настоящая статья выполнена по гранту РГНФ № 10-04-00-165а.

² *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. — Париж, [1959]. — С. 20.

³ *Шестов Л.* Дневник мыслей // *Континент*. — 1976. — № 8. — С. 235—252.

⁴ *Ремизов А. М.* А.Р. (Дом, отмеченный войной) // *А. М. Грачева. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы)*. — СПб., 2010. — С. 294.

⁵ *Ремизов А.* В розовом блеске. — М., 1990. — С. 707.

⁶ *Грачева А. М.* «Дневник мыслей» А. М. Ремизова // *Литература русского Зарубежья (1920—1940-е годы). Взгляд из XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф. 4—6 октября 2007 года*. — СПб., 2008. — С. 39—47.

⁷ РГАЛИ. — Ф. 420. — Оп. 6. — Ед. хр. 32—33. Далее все цитаты приводятся по данным архивным источникам.